

А причина, по которой тот человек оказался за одним столом с Гунлянь Цзэ, заключалась в том, что Гунлянь Цзэ, словно в него вселился дух Хань Синя, Небесного полководца и покровителя азартных игр, с того момента как вошёл в Зал Куропатки и сменил проигравшего всё до последней монеты Шэнь Цяньхэ, ни разу не проиграл. Окружающие подозревали его в жульничестве, но доказательств найти так и не смогли. В итоге никто больше не осмеливался бросить ему вызов, и это привлекло внимание Цзун Юаня.

Услышав, как Цзун Юань завёл этот разговор, и Шэнь Цяньхэ, и Гунлянь Цзэ внутренне встревожились, затаив дыхание и не смея пошевелиться, они слушали, как Цзун Юань продолжал:

— А слышали ли вы двое... о Башне Аньхуа?

Тем временем Ли Юньси, словно потерявший душу, покинул пиршественный зал и, не обращая внимания на остальных, бросился в ту сторону, куда ушёл Чжу Лию. Хань Теи также выскочил из-за стола и бросился за ним вдогонку.

Сяо Чжоухэн и Ли Чжуннань переглянулись, почувствовав неладное, и тут же последовали за ними.

Двор усадьбы был извилист, и длинные полы халата Ли Юньси то и дело цеплялись за что-то. Хань Теи, хотя и догнал его почти сразу, боясь вызвать его гнев, держался в нескольких шагах позади, лишь поддерживая Ли Юньси за руку, когда тот вот-вот готов был упасть.

Добежав до источника звука, они увидели, что часть горного склона обрушилась, всё вокруг было затянуто удушливой пылью, а огромные валуны, нагромоздившись, полностью погребли под собой ту самую стену и маленький павильон. Среди хаоса они разглядели торчащую наружу руку и отрезок золотой вышивки с распоротым краем, из которого торчали нитки.

На пальце этой руки красовалось нефритовое кольцо лучника.

Увидев это, Ли Юньси обмяк всем телом, ощутив, как волна ужаса накатывает на него, в глазах потемнело, и он начал падать навзничь. Хань Теи в панике сделал несколько шагов вперёд, подхватил его и прикрыл ему глаза своей непораненной рукой.

Подбежавший следом Ли Чжуннань метнулся к груде валунов, бегло осмотрел её и понял, что человек под камнями уже не дышит. Со вздохом он принялся руководить подбежавшими слугами, чтобы те осторожно разобрали завал. Когда беспорядочную груду камней разобрали, на месте не осталось и намёка на человеческий облик.

Тань Чжао также впопыхах примчался на место и как раз увидел, как обнажились останки Чжу Лию и Мяомяо. Тань Чжао вскрикнул от ужаса — картина, предстающая перед глазами, была истинным адом, безо всяких прикрас.

В нагромождении теней и обломков витал тяжёлый запах крови. Лужи крови заставляли всех присутствующих содрогаться от ужаса. Скатившиеся с горы камни и обломки деревьев изрядно покалечили тела обоих. Чжу Лию, похоже, пытался прикрыть собой Мяомяо, чтобы защитить её от ударов камней, и теперь можно было разглядеть, как он лежал на ней. Вся его спина была вдавлена, а шейные и спинные позвонки пробиты насквозь.

Казалось, смерть настигла их мгновенно.

Разве можно было в этом узнать тех самых, ещё недавно живых Чжу Лию и Мяомяо? Сяо

Чжоухэна снова начало мутить. Разве Мяомяо не пошла в уборную? Почему же теперь она оказалась здесь, погибнув вместе с Чжу Лию?

Немного расспросив, Сяо Чжоухэн узнал, что это была единственная дорога к одной из уборных в усадьбе, и она как раз проходила под той самой заваленной стеной. Видимо, Мяомяо не успела даже войти внутрь, как вместе с защищавшим её Чжу Лию отправилась в мир иной.

Но это вызвало у Сяо Чжоухэна вопрос: если первый грохот уже возвестил об обвале, а Мяомяо не была слабоумной, и в усадьбе везде горели яркие фонари, то почему же она всё-таки пошла сюда?

В тот момент, когда Хань Теи почувствовал на ладони лёгкую влагу, он ещё не успел сообразить, был ли это его собственный пот от волнения или же хлынувшие слёзы Ли Юньси, как тот вырвался из его объятий и, преодолевая себя, шаг за шагом направился к Тань Чжао.

Ли Юньси был тонок, как лист бумаги, и шатался, словно все силы покинули его.

Этой внезапной беды никто из присутствующих не ожидал.

— Пэйчжи, только что я, ваш подданный, несколько утратил достоинство, прошу не держать на меня зла. — Увидев, что Ли Юньси идёт к нему, Тань Чжао, с печальным выражением лица и не зная, что тот задумал, изо всех сил постарался скрыть ярость, вызванную тем, что Ли Юньси публично осадил его, и бросил эту неловкую фразу.

Но неожиданно Ли Юньси, слегка выпрямившись, совершил поклон, и в его голосе звучала глубокая тревога:

— Нас постигла беда. Могу ли я, Пэйчжи, просить ваше высочество оказать мне милость и защиту?

Тань Чжао опешил, улыбка на его лице стала судорожной, словно он получил некое высочайшее одобрение, и он закивал не переставая:

— Конечно, конечно, любая просьба Пэйчжи будет исполнена.

И внезапная перемена в поведении Тань Чжао, и этот неожиданный поступок Ли Юньси заставили остальных троих на мгновение остолбенеть.

Хань Теи никак не ожидал, что Ли Юньси произнесёт такие слова. Он почувствовал, как дрогнула его грудь, и сердце сжалось от страха. Инстинктивно он шагнул вперёд и ухватился за рукав Ли Юньси:

— Ли Пэйчжи! Не ходи с ним!

— Ты кто такой, чтобы называть его по имени? — Тань Чжао отстранил его руку, из последних сил сохраняя остатки самообладания перед тем, как разразиться гневом, и его лицо становилось всё более надменным и свирепым.

Ли Юньси обернулся. Сначала он скользнул взглядом по схваченному рукаву, затем равнодушно посмотрел на Хань Теи и только после этого произнёс:

— А что ты можешь мне гарантировать, если я пойду с тобой?

— Я, конечно, не могу гарантировать ничего особенного. — Хань Теи сказал это с серьёзным

видом. — Но у меня ты не будешь делать того, чего не захочешь.

— Хах, господин Хань, как забавно. Какое тебе дело до того, с кем я общаюсь? — В этот момент Ли Юньси был похож на бледный лунный диск, готовый рассыпаться в одно мгновение. Он снова опустил глаза и мягко отстранил руку Хань Теи. — Господин Хань, будьте благоразумны.

Мгновенно всё вокруг словно застыло. Тань Чжао, воспользовавшись моментом, обхватил тонкую талию Ли Юньси и крепко прижал к себе, с вызовом усмехнувшись Хань Теи.

— Дун Чи. — Сяо Чжоухэн счёл слова Ли Юньси слишком жёсткими, и ему стало не по себе. Когда те двое зашевелились, он поспешил к Хань Теи и тихо сказал:

— У каждого своя судьба, иногда её действительно не изменить.

Хань Теи всё ещё смотрел в ту сторону, куда ушли те двое, и с трудом разжал губы:

— А если я не верю в судьбу?

Сердце Сяо Чжоухэна ёкнуло. В тот момент он не знал, что хуже: новая надвигающаяся беда или же вид Хань Теи, похожего на человека, потерявшего душу.

Ветер крепчал, и в его завываниях несколько туч закрыли последние лучи ночного света. Внезапно с неба полился мелкий дождь, способный сбить цветы.

Дождь всё же пошёл.

— Шу Тин. — Ли Чжуннань, находившийся поодаль, поманил его рукой. — Подойди-ка сюда, тут что-то не так.

Видя, что Хань Теи по-прежнему стоит, словно окаменев, и не шелохнётся, Сяо Чжоухэн успокаивающе похлопал его по спине и подошёл к Ли Чжуннаню. Тот стоял не у останков, а, подняв фонарь, внимательно изучал обвалившиеся камни.

— Наверное, это последствия недавних ливней. Местность, конечно, опасная, что обеспечивает безопасность, но такие вещи, как горные обвалы и провалы, действительно трудно предсказать. — Сяо Чжоухэн не силен был в географии, но когда они с Ли Чжуннанем шли сюда, они видели, что колонны галереи не только покосились, но и покрылись трещинами. Кроме того, на дорожках лежали камни и обломки растений. Увидев обвалившуюся часть горы, он, хотя и не почувствовал головокружения или слабости, смутно подумал, что это мог быть вызвано землетрясением.

Связав это со странными происшествиями в усадьбе, о которых Ли Юньси говорил за столом, а также с признаками внезапного обрушения горы, он задумался: неужели это действительно происки нечистой силы?

Если это было землетрясение, совпадение или нет, но что касается Ли Юньси, Тань Чжао и Хань Теи — все трое вели себя крайне странно.

Казалось, в этой усадьбе и впрямь завелись призраки, которые похищают души и шаг за шагом увлекают людей в бездну погибели.

— Нет. — Ответил Ли Чжуннань. — Раньше я с учителем жил в горах и сталкивался с обвалами и землетрясениями — это было не так. — Ли Чжуннань происходил из уважаемой и

известной ортодоксальной школы Пяти врат, так что его слова о жизни в горах вновь вызвали у Сяо Чжоухэна знакомое чувство лёгкой насмешки. Как говорится, у каждого свой путь и своя специализация. То, что он сам умел писать стихи и оды, уже выделяло его среди толпы. Просто ему не хватало некоторых базовых знаний, а Ли Чжуннань, как назло, предъявлял к нему такие строгие требования.

* Хань Синь, легендарный полководец, считается покровителем азартных игр, поэтому игроки почитают его.

Возможно, Шэнь Цяньхэ просто неудачник, а Гунлян Цзэ — счастливчик.

Причина ссоры Шэнь Цяньхэ и Гу Циньхуана в том, что один называет другого скупым, а другой — ленивым.

Гу Циньхуан, второе имя Ци Оу, министр доходов.

«Считать дрова для печи и зёрна для еды» — поговорка, описывающая мелочность и скупость (Шэнь Цяньхэ здесь называет Гу Циньхуана скупым).

«Дружба простолюдина и знатного» — Гун Люэр спрашивает, не является ли отправитель письма простолюдином.

* Уборная.

<http://bllate.org/book/16134/1444651>